

**п. Мурино,
Ленинградская обл.**

С каждым криком совы...

С каждым криком совы
Тяжелеет небо.
Сморщат избы лбы
Под шапками снега.
Из открытых глазниц
Чернота смеётся.
Мне бы – тоже в смех,
Да крик раздаётся.
У околиц резных
Выбиты зубы.
И молебный свист
Их играют трубы.
Мне винить кого?
Я когда-то первым
Променял село
На парковый ельник.

Такие тонкие берёзы...

Такие тонкие берёзы,
Такие пышные поля
И за дугой густого леса
Вновь поднимается дуга.

Восторженно несётся сердце
Во всю небесную косу
И руки сами обнимают
Осин простую наготу.

Сыграй, гуслиар, сыграй мне звонко...

Сыграй, гуслиар, сыграй мне звонко!
Сыграй, чтоб вспомнить ворожбу
Златых полей под рожью тонкой
И рощ берёзовых весну.

Играй, гуслиар, играй мне звонче!
Играй, как верба на ветру

Звенит мохнатым колокольцем,
И ивы плещутся в пруду.

Играй, гуслиар, играй трезвонче!
Играй, чтоб видеть наяву
В родной избе свою светёлку,
Куда вернуться не могу.

Играй, гуслиарушка родимый,
Не жаль последнюю струну.
Я одинокою рябиной
С душою русскою пляшу.

Не будем зажигать свечей...

Не будем зажигать свечей...
Пусть в полумраке сонных комнат
Гуляет стук косых дождей,
И мир за мутью окон сомкнут.

Сказать тебе, как я устал?
Как глупо молодость шальную
Я разменял по пятакам
И чернь волос своих тугую.

Сказать, как редко вспоминал
Волос твоих пшеничных запахов?
И что другую обнимал
Я крепче, только не был счастлив.

Нет, не скажу! То день вчерашний,
Как скошенный осенний луг,
Лежит травой ненастоящей,
И мертвый стебель виснет с рук.

Нет, не скажу, как сладок ветер
И свеж, и ясен свет чужбин,
Но только раз, пока не хлынет
Ноздрями сладость эта в пыль.

Не будем зажигать свечей...
Мне кажется, я всё здесь помню,
Страшнее, что под мраком стен
Есть те, которые не вспомнят.

Я виноват, да, виноват,
Но я напился странной воли,
Теперь я понимаю, как
Родной землей, тобой и домом болен.

Пролей свой гнев, свою тоску,
 Ну прогони на мрак и холод.
 Я корни в землю распушу
 И стану ждать с главой склоненной.

Пруд поперечною дугой...

Пруд поперечною дугой
 На два пространства разделился –
 Сияет гладью на одном,
 Другим лежит под мелкой зыбью.

И пилигримною тропой
 Так безмятежно и упорно
 По небу вереницы облаков
 На тайный зов плывут смиренно.

И воздух янтарём налит.
 Дрожит листва в хрустальном блеске,
 И тянет запахом воды
 И прелых трав в горячем ветре.

На кончиках твоих ресниц
 И локонах простой прически
 Сияет капельками брызг
 И радугой дневное солнце.

Лишь одиноким челноком
 Качаясь, мне напомнит чайка,
 Как мы грустили с ней вдвоём
 О зыбкости простого счастья.

Пусть я буду одной из многих...

Пусть я буду одной из многих...
 Мне единственной быть из всех
 Ни к чему, ведь зубьями годы
 Не по коже ведут свой след.

Нам идти одною дорогой,
 Но смотреть, обернувшись назад,
 Я не стану, кто с нажимом втапывал ноги,
 Чтоб оставить поглубже вмять.

Все мы ляжем одной могилой,
 И один нам очертят крест.
 И на всех с одинаковой силой
 Ляжет божия благодать.

Мне жаль сосен рыжие гривы –
 Тех, что больше не будут звенеть
 Звоном медным, когда в изголовье
 Мне сосновый вкопают крест.

Утро мглой заглядывает в окна...

Утро мглой заглядывает в окна
 И ещё белеет за стеклом
 Отражение свечи в наплывах воска
 Под дрожащим голубым огнём.

Этой ночью, на просветах окон,
 Так забвенно бился мотылёк...
 Веет дым полоской сизых кружев,
 Тишина. Я снова одинок.

Осень холодом дышит в затылок...

Осень холодом дышит в затылок.
 Отпылала леса, как один
 И звенит под ногами суглинок
 Земной тверди эхом глухим.

В липняках и осиновых рощах
 Голых веток серый ажур
 Тишину в свои острые когти,
 Как в объятия, заключил.

Омертвело осеннее небо.
 Как влеком я его пустотой!.
 В паутину из белого снега
 Одинокой вмерзаю душой.

Затих последний мотылёк...

Затих последний мотылёк
 На холоде оконной рамы,
 И серебром осенний дождь
 Стучит в его стеклянный саван.

Не понимаю этот мир!
 Его жестокою прозрачностью...
 И в мёртвости поникших крыл
 Порхает бледвенная яркость.